

ДОКТОР МОРД

АЛЬДОНА ВРАН

18+

Альдона Вран
Доктор Мор

«Автор»

2026

Вран А.

Доктор Мор / А. Вран — «Автор», 2026

Она должна была умереть от чумы. Но в город явилось нечто страшнее болезни. Страшнее смерти. Петербург захлёбывается чумой. Улицы пустеют, на дверях появляются чёрные кресты, а больницы становятся последним местом, куда ещё приходят за надеждой. Таис была уверена, что умрёт вместе с остальными. Но из семерых заболевших выжила только она. Именно тогда в городе появляется загадочный доктор, приехавший из Европы. Он носит чумную маску, скрывает лицо и не даёт больным ложных обещаний. Для него болезнь — не проклятие и не кара, а загадка, которую необходимо разгадать. За маской скрывается не только лицо. И у доктора Мора есть свои причины выбрать именно Таис.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Альдона Вран Доктор Мор

ПРОЛОГ

Там ничего нет. Напрасно люди верят в Бога, молятся о милосердии, страшатся адского пламени или уповают на райские кущи.

Я видела изнанку этого мира.

Я была там.

Ничего. Только оглушающая, ледяная пустота.

А затем меня грубо вытолкнуло обратно.

— Не выживет... — донёсся до меня глухой, испуганный шёпот, похожий на шелест сухой листвы.

— Не выживет, нет. Здесь уже ничем не помочь.

Голоса доносились словно сквозь толщу грязной, застоявшейся воды. Собственное тело казалось чужим, неподъёмным гробом. Оно осталось где-то далеко — раскалённое, содрогающееся в агонии, горящее изнутри чумным огнём. Каждое движение лёгких давалось с нечеловеческим трудом, будто воздух превратился в жидкий свинец, и каждый вдох приходилось с боем вырывать у самой смерти.

Вдруг я услышала чьи-то грузные шаги.

Может, это галлюцинации...

Я заставила себя открыть веки.

Сначала была лишь сплошная, давящая тьма. Но постепенно она обрела очертания. Надо мной из полумрака проступила маска.

Она нависала так близко, что я чувствовала удушливый, приторный запах сушёных трав, забитых в её нутро. Я различала каждую трещину на потемневшей от времени коже, грубые нитяные швы вдоль искривлённого длинного клюва и тусклые металлические заклёпки, покрытые налётом. Этот клюв казался непомерно огромным, уродливым. Настоящий ворон, замерший надо мной в ожидании скорой тризны. Не человек — жуткое чудовище, явившееся проверить, бьётся ли ещё моё сердце, или плоть уже готова к погребальному костру.

Я попыталась отшатнуться, закричать, оттолкнуть этот кошмар, но мышцы не повиновались. Я была замурована в собственном парализованном теле.

И тогда я встретила с ним взглядом.

Сквозь узкие, натянутые стёклами прорези маски на меня смотрели глаза. Невероятно, пугающе живые на фоне этой мёртвой, застывшей кожаной рожи. Лихорадочно блестящие, цепкие, они не выражали ни жалости, ни страха.

Они были красными.

Они пылали ярким пламенем.

В них читалось лишь пугающее любопытство творца, заглядывающего в бездну.

Это ужасное зрелище было последним, что я видела, прежде чем...

Глава 1

*«Семеро заболели. Шестеро умерли. Седьмая осталась жива.
Доктор из Европы счёл этот случай особенным и намерен... (часть
бумаги испорчена чернилами) »
Из скрижалей больницы, закрытой после эпидемии.*

Таис

Я впервые увидела его уже после своего выздоровления.

Не в кабинете.

Он стоял в дальнем помещении больницы, куда старались не заглядывать без необходимости.

Там было холоднее, чем в палатах, не только от самого холода. Ведь то было помещение для покойников.

У дальней стены стояли накрытые белыми простынями носилки. Под одной из них угадывались очертания человеческого тела. Рядом на столе лежали записи, стеклянные сосуды, несколько металлических инструментов и зажжённая свеча, пламя которой едва шевелилось от сквозняка.

Меня не страшило увиденное. Все-таки я была медсестрой. К такому не сразу, но довольно быстро привыкаешь.

Огромная чёрная фигура обращала на себя не меньшее внимание, чем трупы.

Теперь я понимала, за что его прозвали Доктором Мором еще до прибытия к нам.

Он стоял — нет, не стоял, нависал, точно сама смерть, — над одним из умерших и что-то записывал в свой журнал.

Кажется, это был тот самый пациент, над которым я прокорпела несколько дней и от которого, вероятнее всего, заразилась.

Под безупречно скроенным черным камзолом доктора угадывалась широкая линия плеч и сильное, подтянутое тело. Одевание не выглядело мешковатым балахоном: оно было подогнано точно по фигуре, подчеркивая его высокий рост и властную осанку.

Мой взгляд метнулся к его маске... И задержался на ней. У нас таких не носили. У нас врачи вообще почти никак не защищали себя одеждой от чумы. Полагаю, потому так часто и заражались.

Когда я начала разглядывать ее, в голове всплыло мутное воспоминание со времен лихорадки: черный клюв, красные глаза, агония...

Я передернула плечами.

Безусловно, маска пугала сильнее трупов вокруг и остального его прикида.

Я остановилась у двери и идти дальше пока не вознамерилась.

Доктор казался таким высоким.... Широким... Огромным... Что отпугивал сильнее самой чумы.

— Вы хотели меня видеть? — наконец спросила я, заставляя его обратить на себя внимание. Ведь прежде он будто не замечал меня.

Сработало.

Он развернулся ко мне, не отрывая взгляд с трупа, и черный плащ воспарил, как настоящие крылья.

— Да.

После этого «да» он снова замолк. И молчал так долго, что я уже начала терять терпение. Я и без того провела здесь слишком много времени.

— Извините, но у меня нет времени на разговоры.

Я уже собиралась уйти. Но он...

— Ты забыла, что я тебя вылечил? — он поднял на меня взгляд.

Эти чертovy глаза снова вспыхнули пламенем.

Я почувствовала легкий озноб, будто снова перенеслась во время болезни.

Это заставило меня увести взгляд.

Несколько секунд Мор молчал, будто сравнивал ту женщину, которая стояла перед ним, с той, которую когда-то вытащил из лихорадки.

— Ты мне должна. — внезапно заявил он.

— Должна что? — я нахмурилась.

Его красные глаза вспыхнули еще большим огнем, так, что мне на миг показалось, что меня лихорадит сильнее, чем во время чумы.

Мышцы на его могучем теле проступали даже сквозь облегающую одежду.

Я боялась представить, что он имеет в виду... Чего он от меня хочет. Рядом с ним я вдруг слишком остро почувствовала собственную незащищенность.

Но я не успела озвучить ему свои опасения.

— Ты будешь помогать мне изучать болезнь. — его голос прозвучал тихо, но этот шепот заполнил всю комнату, вытесняя остатки кислорода.

Чумной доктор медленно зашагал вперед.

Я напряглась всем телом.

Кожаные ремни его маски скрипнули в глухой тишине. Когда он оказался в шаге от меня, птичий клюв наклонился к моему лицу так близко, что я почувствовала горький, удушливый запах сушеной полыни и ментола. Запах болезни, завернутый в саван мнимого спасения.

— Каким образом? — едва сумела вымолвить я, сходя с ума от внутреннего напряжения.

— Я буду наблюдать твоё тело.

— Что, простите? — растерялась я. А потом возмущение окатило меня противной волной тошноты. — Вы собираетесь ставить надо мной опыты? Или...

Я слотнула и попыталась договорить, но ничего не вышло. Ком в горле не исчезал. Во рту тоже было сухо.

По его громкой усмешке я догадалась, что он понял, что я снова о...

— И то, и другое мне противно. — выдавила я.

Я гордо вздернула подбородок, всем своим видом показывая, что могу постоять за себя, но чем больше я старалась, тем хуже у меня выходило...

— Каждая капля целебной настойки, что я влил в твоё горло, стоила мне сделки со смертью, — его пальцы в грубых черных перчатках коснулись моего подбородка, заставляя поднять голову. Холод кожи проступил даже сквозь плотную ткань. — Я вырвал тебя из ее лап не для того, чтобы ты разбрасывалась своей свободой. Ты принадлежишь мне, пока я не решу обратное.

Я попыталась слотнуть вставший в горле ком, но страх парализовал тело, возвращая ту самую слабость, от которой он меня избавил.

— Это Ваша обязанность... И... Я... Я не просила меня спасти, — выдохнула я, отчаянно пытаясь скрыть дрожь в голосе.

Его низкий, рокочущий смех заставил волосы на моей шее встать дыбом. Он чуть сильнее сжал пальцы на моем подбородке, заставляя смотреть прямо в эти пугающие, пылающие рубиновым огнем глаза.

— Лучшие лекарства никогда не просят, чтобы их изобретали, — прошептал он, и в его тоне проскользнула опасная, собственническая нежность. Я была для него чудесным явлением,

способом развивать науку. — Но теперь ты здесь. И твоя покорность — это лишь малая часть платы за спасение.

Все это время я чувствовала себя растерянной рядом с ним. Внутри рождалась скользкая неуверенность. Он подавлял мою волю. Как бы я ни старалась быть смелой. Быть прежней собой.

Но он, кажется, уже решил всё за меня.

— Завтра, — произнёс он.

Я нахмурилась, не поднимая на него взгляд.

— Что?

— В семь вечера в моем кабинете.

— Я не уверена, что смогу... У меня пациенты...

— Сможешь. Я уже позаботился о том, чтобы тебя подменили.

— Но они без меня не справятся...

— Справятся.

Я хотела возразить, но он уже отвернулся к столу, перелистывая страницы своего журнала.

— В семь, Таис.

Я замерла.

Он впервые назвал меня по имени.

Когда он успел выяснить, как меня зовут?...

— И не опаздывай.

Сегодня в больницу мне было нужно не для того, чтобы лечить людей.

И впервые я не знала, радоваться или огорчаться тому, что я не буду взаимодействовать с зараженными.

Я долго не могла заставить себя подняться.

Его слова застряли в ушах, тяжёлые, как камни, которыми придавливают крышку могильного склепа.

Ты будешь помогать мне изучать болезнь.

От одной мысли об этом внутри всё неприятно сжималось.

Я работала рядом с больными не первый год, видела кровь, гнойные раны, лихорадку, слышала предсмертный хрип и привыкла к тому, что болезнь редко спрашивает, готов ли ты её увидеть. Но одно дело — ухаживать за чужим телом, и совсем другое — позволить какому-то человеку превратить твоё выздоровление в предмет наблюдения.

Особенно если этот человек носил на лице маску ворона.

Особенно если этот человек...

Доктор Мор.

Я подошла к небольшому зеркалу и посмотрела на своё отражение.

После болезни лицо всё ещё казалось мне чужим. Щёки впали, под глазами лежали тени, губы оставались бледными. Я провела ладонью по длинным каштановым волосам, собирая их в аккуратный узел, чтобы ни одна прядь не падала на лицо во время работы.

Надела чистую светлую рубашу, застегнула её до самого горла. Поверх — простое тёмное платье, не новое, но приличное. Подумав, я ещё раз поправила воротник.

Почему-то мне хотелось выглядеть так, будто я совершенно не боюсь.

Получалось плохо.

Пальцы дрожали.

— Глупость, — прошептала я своему отражению. — Он всего лишь доктор.

Но зеркало словно насмехалось надо мной.

Я вздохнула, накинула поверх платья шерстяную накидку и вышла из комнаты.

С каждым шагом к его кабинету тревога становилась сильнее.
Я пыталась убедить себя, что бояться нечего.

Он спас мне жизнь.

Он врач.

Он просто хочет изучать последствия болезни.

Но почему тогда сердце билось так, словно я направлялась не к лекарю, а навстречу собственной судьбе?

Когда я выходила из дома, то со всей дури хлопнула дверью.

Настроение было, мягко говоря, паршивым.

Небо над Петербургом сочилось гнилой, свинцовой влагой, какая бывает только глубокой осенью. Этот город, выросший из болот волею покойного государя, казался скованным вечным холодом. Я плотнее куталась в поношенную шерстяную шаль, но сырость всё равно пробирала до костей, пропитывая подол моего серого платья, уже измазанного придорожной грязью.

Мой путь лежал в Обуховскую больницу. Императрица Екатерина, мнившая себя просвещенной целительницей умов и тел, приказывала строить новые корпуса для немощных, но улицы её парадной столицы пахли не духами, а тленом и нищетой.

Дома из тёмного гранита выглядели склепами в этом вечном тумане. Окна были наглухо заколочены досками, за которыми прятались уцелевшие жители. Ни звука, ни детского плача, ни стука топоров — город словно вымер. Болезнь окончательно погрузила всех нас во тьму.

На запертых воротах и дубовых дверях особняков и лачуг зловеще горели намалеванные дегтем кресты и страшные надписи: «ЧУМА!». Эти знаки предупреждали живых держаться подальше, крича о том, что внутри пирует смерть.

Редкие масляные фонари едва пробивали мглу, источая тусклый, мертвенный свет и удушливый запах копоти.

За тяжёлой, обитой железом дверью больницы меня встретил полумрак, пропитанный удушливой смесью уксуса, жжёного можжевельника и застарелого гниения. Это место, призванное даровать исцеление по воле государыни, изнутри казалось огромным, мрачным преддверием могилы. В тишине коридоров раздавался лишь далёкий, заунывный бред умирающих и хлопанье моих промокших туфель по сырому каменному полу.

Когда я остановилась перед его дверью, пришлось несколько секунд просто стоять.

Изнутри не доносилось ни звука.

Я подняла руку.

Поколебалась.

Но спустя время все же постучала.

Разве у меня был выбор? Я всю жизнь мечтала помогать людям. Я надеялась стать полноценным врачом, что в наше время казалось абсурдным для женщины. Можно ли было назвать это шансом? Скорее, нет. Доктор Мор использовал меня в своих целях. Но я бы не простила себе, если бы не попыталась и отказала. К тому же, это может помочь людям.

— Войдите.

Я выдохнула и нажала на скрипучую ручку.

Кабинет доктора Мора оказался совсем не таким, каким я его представляла.

Первое, что я увидела, — темноту.

Даже днём она будто жила здесь постоянно.

Высокие окна пропускали мало света. На стёклах дрожали бледные отблески зимнего неба, но до середины комнаты они почти не доходили. Остальное пространство тонуло в густой полутьме, разбавленной пламенем нескольких свечей.

Стены были выбелены, однако белизна давно перестала казаться чистой. В углах проступала серость, под потолком темнели следы копоти, а тяжёлые тени от мебели ложились на стены так, словно в комнате находились ещё кто-то, кроме меня.

Посреди кабинета стоял массивный стол из почти чёрного дерева. Сам доктор Мор сливался со столом, отчего я не сразу поняла, что передо мной человек.

Чёрный ворон.

Нет! Не ворон...

Ангел смерти.

Его маска снова вызвала во мне волну любопытства.

Зачем он носит её?

— Хочешь что-то спросить? — низкий томный голос заставил меня вздрогнуть.

Я глупо поморгала, когда доктор вдруг поднял на меня взгляд и в его глазах блеснул едва заметный красный огонек.

— Нет... — соврала я.

Доктор усмехнулся.

— Спрашивай. Я не кусаюсь. — он говорил очень медленно и спокойно.

— Я и не... — начала я оправдываться, но вовремя поняла, что покажусь скорее глупой, чем смелой.

Я прокашлялась, поднося к губам к

— Маска... — неуверенно начала я. — Вы единственный, кто носит её.

Он снова вернул взгляд к записям, наклоняя голову.

— Я заметил.

Какой грубой. И сухой. Хотя чего я ждала...

— Остальные врачи считают это ненужным.

— Остальные врачи считают ненужным многое из того, чего не понимают.

Я выдохнула, совершая попытки взять себя в руки, и зашагала к нему.

— Она действительно защищает от болезни?

Он снова посмотрел на меня. Я разглядела его янтарные глаза, которые в прорезях маски казались почти безжизненными.

— Нет.

Я остановилась в полушаге от стола и замерла.

— Нет?

— Не настолько, насколько думают люди.

Я вскинула левую бровь, а затем снова шагнула вперед. На столе всё лежало с пугающей аккуратностью.

Перья. Чернильница. Нож для очинки пера. Стопка исписанных листов. Толстая тетрадь в тёмном кожаном переплёте. Несколько маленьких стеклянных сосудов с мутными жидкостями и засушенными веществами.

Рядом лежал раскрытый анатомический атлас.

Я невольно задержала взгляд.

На страницах человеческое тело было показано без всякого стыда. Кости, мышцы, сосуды — всё то, что обычно скрывалось под кожей, здесь было выставлено на свет, разобранное на части рукой художника.

— Тогда зачем вы её носите? — я передернула плечами и оторвала взгляд от вещей доктора. И зачем-то... Взглянула на него.

Он отложил перо.

— Хочешь, чтобы я тебе рассказал?

Его руки сложились в замок, и я увидела, насколько длинные и крепкие его бледные пальцы.

— Мне интересно. — сдержанно ответила я.

— Это неудобное свойство.

— Что?

— Интересоваться всем подряд. Ведь ты сюда пришла не за знаниями.

— А Вы, значит, предпочитаете глупых подопытных? Хотите сделать из меня крысу?

— Я предпочитаю тишину.

Ну вот, опять грубит. Я так и знала. Мы точно не сработаемся.

Я слотнула, стараясь взять себя в руки.

Он поднялся из-за стола.

Высокий. Чертовски высокий и устрашающий в этом черном плаще. Воронья маска делала его лицо чужим, почти нечеловеческим.

— В краях, откуда я приехал, уверены, что эта маска спасает от заразы, — он продолжил так же спокойно. Без всякого раздражения. *Почему? Странный.* — Они ошибаются. Запах трав не остановит болезнь. Кусок ткани не сделает человека бессмертным. А человек, который верит в обратное, опаснее самой чумы.

— Тогда зачем она?

Он помолчал.

— Для других целей.

— Каких?

Он наклонил голову.

— Я не хочу, чтобы меня знали в лицо.

Я усмехнулась.

— Вы боитесь, что вас узнают?

— Нет.

Между нами на миг повисло молчание.

— Я не хочу, чтобы меня запоминали.

— Почему?

— Потому что лицо создаёт привязанность.

Я нахмурилась. Это высказывание показалось мне непрофессиональным.

— Какая странная мысль для врача.

— Нет. Она очень даже практичная.

Он подошёл ближе.

— Когда человек видит лицо того, кто его лечит, он начинает искать в нём надежду. Если врач привлекателен, ему доверяют больше. Если стар — считают мудрее. Если молод — сомневаются. Если улыбается — думают, что всё будет хорошо.

Он остановился совсем рядом.

— Я не хочу давать людям надежду.

Я почувствовала, как по спине прошёл холод.

— А что же Вы им даёте?

Он посмотрел прямо на меня своими огненными глазами, и по спине тотчас пробежала стая мурашек.

— То, за чем они пришли.

— Что?

— Правду.

Он снова взял перо.

— Иногда человек выживет. Иногда умрёт. Иногда я смогу ему помочь. Иногда — нет. Моя внешность ничего из этого не изменит.

Я посмотрела на маску.

— Так значит, Вы часто улыбаетесь своим пациентам?

— Нет. Вовсе нет.

— Тогда что не так с вашим лицом?

Он замер.

На несколько мгновений мне показалось, что я впервые действительно заставила его замолчать.

Потом он медленно наклонил голову.

— С ним всё в порядке.

— Тогда зачем прятать его?

— Потому что, сестра, — произнёс он тихо, — некоторые лица запоминаются слишком хорошо.

Я усмехнулась, хотя внутри всё похолодело.

— Но...

— Вы слишком много разговариваете о ерунде для врача. — в его тоне возникла заметная строгость.

Я сжала губы в линию и почувствовала, как изнутри поднимается стыд, а на щеках вырисовывается румянец.

— Разве имеет значение то, о чем я разговариваю? Вы уже дали понять, что мне лучше молчать.

Наверняка, уже заготовили тряпку, чтобы заткнуть меня.

— Хм... Интересная идея. — его голос стал еще ниже. — А ты хочешь?

— Чего?

Я вытаращила на него глаза, отклонившись корпусом назад.

Но он тут же приблизился — ровно настолько, чтобы снова лишить меня этой дистанции.

— Хочешь, чтобы тряпка украшала твой милый ротик, Таис? — прошептал он.

Как он смеет разговаривать со мной в таком тоне?

— Ч...Что?

И тут вдруг он рассмеялся. Резко, коротко — один низкий, сухой звук, вырвавшийся из него так внезапно, что я вздрогнула. В этом смехе не было веселья. Только что-то хищное, почти опасное. Будто я казалась ему настолько несерьезной, пустой и глупой, что он едва выносил мое присутствие.

— Как же ты побледнела, **Реконвалесцентка**.

— Рекон... Что?

— Так врачи называют выживших после тяжелых болезней.

В ответ я поджала губы и хмыкнула.

А зачем все-таки дала отпор.

— Не называйте меня так. Это делает меня явлением, а не человеком.

— Хорошо, горячка.

— Что?

— Тогда я буду называть «горячка».

В этот момент он резко увел взгляд и шагнул вперед, обходя меня стороной и, коснувшись меня плащом и обдавая терпким запахом ментола.

— Теперь ложись.

Я недоуменно повернула голову на него.

— Куда?

Он кивнул на кушетку, стоявшую у стены.

Я посмотрела на нее вслед за ним.

Она была узкой, обитой темной кожей, поверх которой лежала чистая белая льняная простыня. На подголовнике уже лежала сложенная ткань. Рядом стоял небольшой столик с инструментами и тазом для воды.

— Зачем?

На его губах мелькнула едва заметная улыбка.

— Я хочу осмотреть тебя.

Он произнёс это так спокойно, будто не видел в своей просьбе ничего необычного.
Я медленно подошла к кушетке.

— Что именно вы собираетесь осматривать?

— Всё, что может рассказать мне, почему ты осталась жива.

От этих слов по спине прошёл холод.

Я легла, а Доктор Мор подошел к двери и запер ее, а затем начал копошиться в каких-то вещах в шкафу.

Я отвернулась и поерзала в поисках удобной позы.

Кожа кушетки оказалась прохладной даже сквозь платье. Я положила руки вдоль тела, стараясь не двигаться.

— Ты должна спросить что-нибудь действительно важное.

— Например?

Я смотрела в потолок, пока он копошился.

— Почему я приехал именно сюда.

Но спросить я его не успела.

Потому что повернула голову и увидела, что нам нем нет одежды.

То есть... почти.

Только брюки, маска и плащ.

А торс был совершенно голым.

Я тут же вскрикнула.

А затем между нами повисла тишина.

— Что Вы...

Он смотрел на меня несколько секунд. А я глядела на его бледную, как смерть, кожу, на торс, покрытый рельефом мышц, на длинные руки, испещренные мышцами.

И лишь немного погодя опомнилась и отвернулась.

— Что Вы делаете? — едва выговорила я, закрывая глаза и пытаясь прогнать его горячее тело из головы.

Не получилось

— Вот теперь, горячка, ты начинаешь задавать правильные вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.